

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 1, pp. 8–16, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (510)

Буддизм и политика во Внутренней Азии

Ирина Резбиевна Гарри¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-2484-653X. E-mail: irina.garri@imbt.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гарри И. Р., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена буддизму во Внутренней Азии. *Цель* статьи состоит в анализе ключевых особенностей тибетского буддизма и рассмотрении поворотных вех его истории в контексте противоречий воюющих политий Внутренней Азии с Цинской и Российской империями. *Материалы и методы.* Фактологической основой статьи стали фундаментальные исторические труды по Внутренней Азии. Методологической основой — понимание тибето-монгольского буддизма как культурной целостности, в которой региональным традициям присущи сходные институциональные формы. *Результаты и выводы.* Автор отмечает, что отличительными особенностями тибетской традиции буддизма стали обоготворение учителя, то есть поклонение ему в качестве «воплощенного» тела Будды — *тулку* (тиб. *sprul-sku*); модель его взаимоотношений со светской властью, выражавшаяся концептом *чойон* (тиб. *mtchod-yon* ‘лама-покровитель’); теократическая форма правления, выраженная формулой «религия и политика едины» (тиб. *chos-sridzung-‘brel*). Важнейшей вехой истории Внутренней Азии стало вступление на ее арену Цинской и Российской империй. Уничтожение Джунгарского ханства и разграничение владений цинского Китая и России привели к тому, что Внутренняя Азия перестала существовать в виде конгломерата автономных воюющих политий, и в ее истории наступил новый важный этап, полностью переформатировавший место и роль монголов и тибетцев во Внутренней Азии. Основой политики обоих государств в отношении буддизма и его общин были децентрализация и фрагментация, с одной стороны, и покровительство — с другой. В результате этой политики вкупе с активностью самих буддистов к началу XX в. во Внутренней Азии сложилось огромное пространство тибето-монгольского буддизма с религиозными центрами в Лхасе, Пекине и Урге. Несмотря на то, что эта буддийская традиция не являлась единым организационным целым, она представляла собой безусловную культурную целостность, основанием которой являлись авторитет школы гелукпа и ее

главных иерархов Далай-лам, Панчен-лам и Джебцун-Дамба-хутухт, монастырская система школы, институт лам-перерожденцев, тибетский язык и тибетский буддийский канон, культовая система Ваджраяны.

Ключевые слова: буддизм и политика, Внутренняя Азия, Китай, Россия, Тибет, Монголия, Бурятия, Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания (проект XII.191.1.3. Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии, номер госрегистрации AAA-A17-117021310263-7).

Для цитирования: Гарри И. Р. Буддизм и политика во Внутренней Азии // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 1. С. 8–16. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16

UDC 94 (510)

Buddhism and Politics in Inner Asia

Irina R. Garri¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-2484-653X. E-mail: irina.garri@imbt.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Garri I. R., 2020

Abstract. Introduction. The article focuses on the history of Tibetan Buddhism in Inner Asia. *Goal.* It analyzes the main peculiarities of the Tibetan Buddhist tradition and the turning points of its history in the context of contradictions between Inner Asian polities, the Russian and Qing empires. *Materials and Methods.* The paper is based on the fundamental historical works dealing with Inner Asia. The methodology applied is determined by the understanding of Tibetan-Mongolian Buddhism as a cultural unity within which regional traditions share similar institutional forms. *Results and Conclusions.* The paper notes a peculiar feature of the Tibetan Buddhist tradition is the personality cult of the Teacher worshipped as an ‘incarnate’ Buddha — *tulku* (Tib. *sprul-sku*); model of relationship between the latter and secular powers expressed by the concept of *choyon* (Tib. *mcho-yon* ‘lama-patron’); theocratic form of government manifested by the formula ‘unity of religion and politics’ (Tib. *chos-sridzung-’brel*). A crucial milestone in the history of Inner Asia was the emergence of the Qing and Russian empires. The destruction of the Dzungar Khanate and delimitation of borders between China and Russia led that Inner Asia no longer existed as a cluster of struggling polities, and the subsequent historical era completely transformed the place and role of the Mongols and Tibetans in the region. The main stream policy of both the states towards Buddhism and its communities was decentralization and fragmentation, on the one hand, and patronage, on the other. This, along with efforts of Buddhists proper, resulted in that by the early 20th century Inner Asia was housing immense spaces of Tibetan Buddhism with religious centers in Lhasa, Beijing, and Urga. Despite the Buddhist tradition was not united structurally, it was still distinguished by cultural homogeneity based on the spiritual authority of the *Gelug* sect and the latter’s hierarchs — Dalai Lamas, Panchen Lamas and Jebtsundamba Khutukhtus, similar monastic educational systems, institution of incarnate lamas, classical Tibetan language and Buddhist Canon, Vajrayana cult system.

Keywords: Buddhism and Politics, Inner Asia, China, Russia, Tibet, Mongolia, Buryatia, Kalmykia

Acknowledgements: The reported study was funded by state assignment (project no. XII.191.1.3. ‘Religious-Philosophical, Historical-Cultural, and Sociopolitical Aspects of Buddhism in Traditional

and Contemporary Contexts of Russia, Central and East Asian Countries: a Comprehensive Study', state reg. no. AAAA-A17-117021310263-7).

For citation: Garri I. R. Buddhism and Politics in Inner Asia. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 8–16. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16

Учение Будды, возникшее в Индии в VI в. до н. э., распространилось на огромную территорию азиатского континента, на своей же родине постепенно сошло на нет. В ареалах своего распространения в Южной, Юго-Восточной, Восточной и Внутренней Азии буддийское учение трансформировалось в большое количество различных культов, верований, школ, институтов. Среди всех этих верований, относящих себя к учению Будды, сложились четыре письменные канонизированные традиции — санскритская, палийская, китайская и тибетская. Последняя получила распространение в ареале Внутренней Азии. Этой традиции буддизма, вокруг которой сформировался так называемый мир тибетского буддизма, посвящено огромное количество научных работ, освещающих разнообразные аспекты буддизма с точки зрения различных дисциплин. Цель настоящей статьи более общая, она состоит в анализе ключевых особенностей тибетского буддизма и рассмотрении поворотных вех его истории в контексте противоречий воюющих политий Внутренней Азии с двумя стремительно поднявшимися в середине XVII в. империями — Цинской и Российской.

Материалы и методы

Учитывая аналитический и отчасти обзорный характер статьи, мы не использовали в ней первоисточники, а в основном полагались на фундаментальные работы историков. Это позволило нам выйти за узкие рамки региональных исследований и представить картину распространения буддизма во Внутренней Азии в широком историческом контексте. В методологической части мы не рассматриваем тибетский буддизм как некое единое организационное целое, хотя и признаем глубокую взаимосвязь его региональных традиций. Собственно, дискретность тибетского буддизма стала

реальностью еще в ранний период Цинской империи, когда маньчжурские власти стали намеренно проводить политику децентрализации тибето-монгольского буддизма. Однако параллельно с этой сложившейся организационной конфигурацией тибетский буддизм развивал неофициальные межрегиональные связи, несмотря на препятствия этому со стороны властей Цинской и Российской империй. В этом смысле тибето-монгольский буддизм представляет собой культурную целостность, однако еще более важным представляется сходство его внутренних институциональных форм, таких как монастырская сеть, религиозное образование, институт перерожденцев, монашество.

Внутренняя Азия: территориальные рамки

Регион Внутренней Азии крайне обширен, у него нет четко очерченных границ, и он никогда не совпадал с конкретными границами национальных государств. Единственное время, когда он входил в единое политическое образование, это период монгольской империи XII–XIII вв. Кроме наименования *Внутренняя Азия*, регион также называют *Центральной Азией* и *Центральной Евразией*, эти три названия иногда совпадают, коррелируют между собой или используются как синонимы. По поводу определения границ этого региона разные специалисты предлагают различные трактовки. Чаще всего под «Внутренней Азией» имеют в виду современную Монголию (Внутреннюю и государство Монголия), Маньчжурию, Синьцзян и Тибет, а под «Центральной Азией» — бывшую «Среднюю Азию» с Казахстаном, или регион тюркоязычных народов, входивших в состав бывшего СССР.

Исторически термин *Внутренняя Азия* (кит. *Nei Yazhou*) восходит к периоду правления Цинской империи. Им на китайском,

монгольском и маньчжурском языках назывался регион, в который, помимо Маньчжурии, входили Монголия (Внутренняя и Внешняя), Синьцзян и Тибет, завоеванные маньчжурами в XVII–XVIII вв. и включенные в состав Цинской империи. Внутренняя Азия противопоставлялась собственно Китаю, населенному ханьским большинством, как территория иноплеменных приграничных народов, управляемых различными ведомствами империи в зависимости от региона. В статье Внутренняя Азия, вслед за Питером Пердью, рассматривается более расширительно, включая, помимо вышеназванных регионов, также территорию современных республик Калмыкия, Бурятия и Тыва, входящих в состав Российской Федерации. Таким образом, под Внутренней Азией мы имеем в виду обширный регион, разделенный между тремя государствами — Россией, Китаем и Монголией и простирающийся от «украинских степей на западе до берегов Тихого океана на востоке, от южной окраины сибирских лесов до тибетского плато» [Perdue 2005: 19].

Тибетский буддизм и его влияние на монгольских ханов

Традиция тибетского буддизма весьма своеобразна. Европейские востоковеды, познакомившись с ней впервые, сочли ее искаженной и даже деградированной формой буддизма и стали называть ламаизмом. После исхода тибетской диаспоры в Индию и на Запад в 1959 г. мир впервые широко узнал о тибетцах и их религии. Термин «ламаизм» постепенно сошел на нет, а образ Тибета как отсталой страны с искаженной формой буддизма сменился образом экзотического государства мистической духовности — Шангрилы¹. В этих двух картинах Тибета и тибетского буддизма центральным была фигура учителя — гуру/ламы, так что термин «ламаизм» появился не без основания. Обогащение учителя в буквальном смысле, т. е. поклонение ему в качестве «воплощенного» тела Будды — *тулку* (тиб. *sprul-sku*), пришедшего в мир сансары ради спасения живых существ, пожалуй, самая

яркая отличительная особенность тибетской традиции буддизма. С самого начала своего распространения в Тибете она существовала в виде различных самостоятельных религиозных линий преемственности или школ, ведущих свое начало от определенного учителя.

Другой важной особенностью тибетского буддизма, отличавшей его от других буддийских традиций, являлась модель его взаимоотношений со светской властью, выражавшаяся концептом «чойон» (тиб. *mchod-yon* 'лама-покровитель') [Ruegg 1997]. Термин этот восходит к древнеиндийским буддийским идеалам царя веры — дхармараджи и правителя-чакравартина как покровителей буддийской монашеской общины.

Спецификой Внутренней Азии было то, что этот термин в основном применялся к тибето-монгольскому культурному альянсу, что сложился между тибетскими ламами и монгольскими ханами, благодаря которому доминирующей культурой на просторах Внутренней Азии стала тибетская буддийская, а не китайская конфуцианская или мусульманская [Beckwith 1987].

Классическими примерами такого альянса стали апокрифическое обращение в буддизм Чингис-хана (1155–1227) Сакья-пандитой (1182–1251)² и реальное — Хубилай-хана (1215–1294) — Пагба-ламой (1235–1280). Позже тибетские ламы в своих сочинениях объявили основоположников монгольской империи реинкарнациями могущественных бодхисаттв и защитников религии.

После распада монгольской империи в XIV в. Внутренняя Азия раскололась на конгломерат автономных политических образований, представлявших собой кочевые степные конфедерации, земледельческие общины и монастырские политии, между которыми происходила постоянная борьба за власть и образовывались различные альянсы. Начиная с XVI в. началась вторая волна принятия буддизма монголами, самыми известными примерами которой стали обращения в буддизм правителя тумэтов

¹ Шангрила — это утопическая страна блаженства, придуманная английским писателем Джеймсом Хилтоном (1900–1954) в романе-бестселлере «Потерянный горизонт», опубликованном в 1933 г. См.: [Hilton 2012].

² Турелл Уайли убедительно доказал недостоверность тибетских исторических источников относительно монгольских завоеваний в Тибете, включая сведение об обращении Чингис-хана в буддизм Сакья-пандитой, см.: [Wylie 1977].

Алтан-хана (1507–1582) — Третьим Далай-ламой (1543–1588) в 1578 г. и правителя ойратского этнополитического объединения хошуты Гуши-хана (1582–1654) — Пятым Далай-ламой (1617–1682) в 1638 г. [Wallace 2015].

Становясь буддистами, монгольские ханы приобщались к культурной системе, отличной от собственно монгольской или китайской. Они получали от тибетских лам такие важные ресурсы власти, как письменность и легитимацию в качестве сакральных реинкарнаций. Особенно важным для истории тибето-монгольского буддизма стал альянс между Пятым Далай-ламой и потомком Чингис-хана — Гуши-ханом [Schwieger 2015]. Последний, став ревностным последователем иерарха гелукпы, разгромил всех противников своего гуру, объединил Тибет в единое государство впервые после крушения тибетской империи в IX в. и преподнес в 1642 г. завоеванные земли Далай-ламе в качестве дара. Так впервые в истории Тибета во главе государства встал не светский правитель, а религиозный иерарх, несмотря на то, что царем Тибета номинально считался Гуши-хан. Это послужило началом тибетской теократии под покровительством монголов-хошуты и политического доминирования во Внутренней Азии школы гелукпа, что выражалось формулой «религия и политика едины» (тиб. *chos-sridzung-‘brel*) [Cüppers 2004].

Идеальным воплощением этой системы власти стало считаться правление Далай-ламы и его буддийского правительства в лице гелукпинского монашества. Несмотря на то, что реальная власть Далай-лам осуществлялась лишь в короткие промежутки истории, понимание Тибета как государства религиозного стало центральным в последующем конструировании тибетской национальной идентичности.

Джунгаро-халхаский конфликт

Важнейшей вехой истории Внутренней Азии стало вступление на ее арену двух новых игроков — Цинской и Российской империй. Маньчжурские императоры в отличие от предшествующих китайских династий считали монголов не врагами, а союзниками. Монгольские ханы, в свою очередь, чтили маньчжурского императора как высшего арбитра их постоянных междоусобных войн. Основной повесткой вто-

рой половины XVII в. был ожесточенный джунгаро-халхаский конфликт, в котором тесным узлом противоречий переплелись интересы монгольских этнополитических объединений, лам — тибетских и монгольских, маньчжурских императоров и российских властей. Война была затяжной и кровопролитной [Златкин 1983; Perdue 2005]. Галдан Бошогту-хан (1644–1697), предводитель джунгаров, едва не истребил халхов, нанеся Тушету-хану несколько серьезных поражений и разорив резиденцию иерарха восточных монголов Джебцун Дамба-хутухты. Император Канси (1654–1722) встал на халхаскую сторону конфликта и поклялся уничтожить Галдана. Он сам совершил три беспрецедентных похода в глубь монгольской степи и пустыни. Во время второго 91-дневного похода, в результате которого было разбито войско Галдана в местечке Зуунмодо в глубь пустыни в 1696 г., были задействованы три армии в количестве 72 970 солдат и пройдены более 2 000 км [Perdue 2005: 181]³.

Внук Канси, император Цяньлун (1711–1799), шесть десятков лет спустя уничтожил не только государство джунгаров, но и все его население. Халхи в обмен на помощь в войне с джунгарами были вынуждены безоговорочно подчиниться маньчжурам в 1691 г. на собрании в Долонноре, как до этого сделали южные монголы. Так все уделы монгольских ханов были преобразованы маньчжурами в знамена (кит. *ци*, монг. *хошуун*), военно-административные единицы со строго фиксированной территорией, и напрямую подчинены правительству в Пекине, император получал высшую власть в деле предоставления титулов монгольской знати. Та же политика осуществлялась и в отношении буддийских монастырей и крупных резиденций монгольских хубилганов, каждый из которых по отдельности подчинялся Лифаньюаню, управлению внешними территориями. Представители института самых влиятельных тулку — Джебцун-Дамба-хутухт — по указу императора Цяньлуна избирались в Тибете из этнических тибетцев [Цыремпилов 2013: 21].

В цинский период буддизм наряду с монголами распространился среди тюрко-

³ После битвы Галдан совершил самоубийство или был отравлен [Perdue 2005: 203].

язычных тувинцев, бывших сначала данниками Алтан-ханов, потом джунгар и затем — маньчжуров [Монгуш 2001].

В отношении урянхайцев озера Хубсугул и Танну-Ола также была введена система кошуунов (монг. *хошуун*). Управлялись они через многоступенчатую систему власти монгольскими и тувинскими князьями; из-за удаленности и недоступности региона центральные власти редко вмешивались во внутренние дела тувинцев, что позволяло краю оставаться относительно автономным. В отличие от монгольских земель в Туве распространение буддизма не было сопряжено с подавлением шаманизма, что можно назвать отличительной особенностью религиозной ситуации региона.

В Тибете ситуация отличалась от монгольской [Goldstein 1997; Perdue 2005]. Там после объединения Гуши-ханом трех провинций Тибета (Уй-Цзан, Кхам и Амдо) в одно государство сложился триумvirат власти, представленный Пятым Далай-ламой, хошутами и регентом (тиб. *de-srid*) Сангье Гьяцо (1653–1705). Джунгаро-халхаский конфликт отразился и на политике Цинов в Тибете. После смерти Великого Пятого в 1682 г. регент скрыл смерть иерарха, дабы выиграть время для того, чтобы устранить в Тибете влияние хошутов. Ставку он делал на предводителя джунгаров Галдана, ученика и приверженца Пятого Далай-ламы (давшего последнему титул Бошогту) что, естественно, не могло не насторожить Канси. Не зная про смерть иерарха, Канси решил, что регент интригует с джунгарами у него за спиной. Обман регента раскрылся только через четырнадцать лет в 1696 г. — в год поражения Галдана Бошогту-хана в Зуунмодо [Perdue 2005: 178].

В следующем, 1697 г., был интронизирован в качестве Шестого Далай-ламы Цангьянг Гьяцо (1683–1706), а также получил титул царя Тибета внук Гуши-хана — Лхавсан-хан (годы правления: 1707–1717). Вскоре разгорелся неминуемый конфликт между регентом и Лхавсан-ханом, в сущности же между джунгарами и хошутами, оспаривавшими между собой влияние в Тибете. Конфликт дал повод Канси вмешаться в тибетскую политику, в которой он поддержал, разумеется, хошуты. Лхавсан-хан, поддерживаемый Цин, захватил в свои руки бразды правления в Тибете, убил

регента и отправил в Пекин к маньчжурам Далай-ламу, но тот по дороге умер. В отместку племянник Галдана — Цеван Рабдан (1697–1727) направил в Тибет джунгарскую конницу, которая заняла Лхасу в 1717 г. и razорила монастыри ньингмапы, Лхавсан-хан был убит. До этого хан и местные тибетские аристократы воззвали к Цин о помощи, и тогда Канси послал в Тибет две армии, которые совместно с тибетскими силами изгнали джунгаров и возвели на престол нового, подвластного маньчжурам Седьмого Далай-ламу. В таких обстоятельствах и хошуты, и джунгары оказались не к месту в Тибете, классический союз между тибетским духовенством и ойратскими покровителями рухнул вследствие того, что маньчжуры стали доминантной силой в регионе. Император поставил в Тибете своего наместника — амбана, дислоцировав ограниченный контингент войск и установив над Центральным Тибетом номинальный протекторат. Попутно, подавив в 1723 г. восстание хошутского князя Лобсан Данзина, маньчжуры установили контроль и в Кукуноре (тиб. Амдо) [Солощева 2013]. Несмотря, однако, на все эти меры, контроль над Тибетом был непрямым и номинальным в отличие от Монголии. Цинский двор интересовался Тибетом в основном из-за *желтой веры*, гелукпы, и ее влияния на подвластных монголов. Став доминантной силой в регионе, цинский император приложил все усилия для того, чтобы перетянуть иерархов гелукпы от монголов к маньчжурам и стать главным покровителем буддизма в государстве Цин (цинские императоры были признаны воплощениями бодхисаттвы мудрости Манджушри). Вместе с тем он не мог позволить гелукпинской теократии в Тибете быть альтернативным источником политического влияния на монголов. В целях обеспечения контроля над ней была учреждена церемония золотой урны, с помощью которой предписывалось избираться высшим иерархам тибетского буддизма, введен институт императорских наставников (кит. *да гоши*) — Чжанджа-хутухт и др. меры.

Российская империя и Внутренняя Азия

Что касается Российской империи, то она, со своей стороны, стремительно расширялась на восток к Тихому океану и на

юго-восток к Внутренней Азии. Россия приняла в свое подданство часть ойратов (в большинстве своем торгутов, но также дербетов и хошутов, все они затем стали называться калмыками), прикочевавших в 1630–1640 гг. из Внутренней Азии в низовья Волги и Дона, впоследствии начала вовлекаться в маньчжуро-джунгарский конфликт, а на рубеже XIX и XX вв. приняла активное участие в разделе Цинской империи империалистическими державами. На заре своих отношений с Цинским Китаем ее приоритетом были, прежде всего, торговые отношения с соседней империей. В 1689 г. российская империя разделила с ней сферы влияния, заключив Нерчинский договор по размежеванию границ. В результате этого договора, помимо калмыков, отрезанными от культурно близкого тибето-монгольского мира оказались также бурятские роды, вошедшие в подданство Российской империи [Цыремпилов 2013].

Последствия

Так уничтожение Джунгарского ханства и разграничение владений цинского Китая и России ознаменовали конец свободной степи. Внутренняя Азия перестала существовать в виде конгломерата автономных воюющих политий, и в ее истории наступил новый важный этап, полностью переформатировавший место и роль монголов и тибетцев во Внутренней Азии, а также взаимоотношения между всеми акторами Большой игры, как будет позже названо англо-русское соперничество на северо-западной периферии Цинской империи.

Судьба монгольских групп Внутренней Азии, вошедших в состав Российской империи, сложилась иначе, чем в соседнем государстве [Галданова, Герасимова и др. 1983]. Процесс инкорпорации забайкальских бурят-монгольских родов в состав России происходил одновременно с принятием ими буддизма, который принесли перешедшие с территории Цинской империи монгольские роды и пришедшие с ними тибетские и монгольские ламы. Одним из основных условий лояльности новых подданных было обещание их не крестить и позволить им исповедовать свою религию. Либеральное отношение властей к новой вере вкупе с активностью самих буддистов, в первую очередь, первого бурятского Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева (1710–1776), сумевшего добиться расположения к буд-

дийской общине верховной власти, позволило буддийской религии в течение двух веков распространиться по всему Забайкалью и достичь бурят Предбайкалья. К концу XIX в. сложился весьма стабильный традиционный уклад бурятского общества, светская жизнь которого по Уставу графа Сперанского 1822 г. регламентировалась степными думами, а религиозная, согласно «Положению о ламайском духовенстве Восточной Сибири» 1853 г., — централизованным управлением буддийской сангхи во главе с Хамбо-ламой и подчиненными ему настоятелями монастырей — ширетуями.

Российские подданные калмыки приобщились к буддизму еще до того, как прикочевали в 1640-х гг. в низовья Волги и Дона. В 1640 г. было принято «Великое уложение» (*Ики Цааджин бичиг*) — свод монголо-ойратских законов, в котором были зафиксированы иерархия буддийского духовенства и правила поведения монахов, и эти законы являлись основой правового статуса буддийских институтов в Калмыцком ханстве [Бакаева 1994: 37].

В 1771 г. большая часть калмыков откочевала обратно на восток в надежде занять территории Джунгарского ханства, которое было захвачено Китаем. Калмыцкое ханство было ликвидировано, а оставшиеся в России калмыки подчинены различным административно-территориальным единицам. До 1834 г. в духовных делах калмыков не было централизованной власти, ламы избирались в каждом улусе, свободно строились монастыри и храмы. Со второй четверти XIX в. правительство начинает разрабатывать меры управления и контроля над религиозными меньшинствами в империи. В отношении приволжских калмыков были последовательно (1825, 1834, 1847 гг.) введены три закона, среди которых «Положение по управлению калмыцким народом» 1834 г. устанавливало должность Ламы калмыцкого народа и квоты на численность хурулов и духовенства, а следующее одноименное «Положение...» 1847 г. ввело единоначалие Ламы и уменьшило штаты хурулов и духовенства. Введенные положения не распространялись, однако, на калмыков других административных единиц. У донских калмыков, к примеру, буддийский иерарх назывался Багши-ламой [Бакаева 1994: 37–39]. Несмотря на ограничительные меры правительства и длительную изоляцию кал-

мыков от монголо-тибетского буддийского мира, они стали ревностными последователями буддийской религии, завещанной им их предками-ойратами.

Заключение

Начиная с середины XVII в. буддизм гелукпинской традиции распространился по обширной территории Внутренней Азии среди различных тибетских и монгольских скотоводческих групп и земледельческих общин. Раздел региона между Цинской и Российской империями стал самым значительным событием в ее истории, полностью перформативовавшим судьбу ее народов.

Основой политики обоих государств в отношении буддизма и его общин были децентрализация и фрагментация, с одной стороны, и покровительство, с другой. В результате этой политики вкупе с активностью самих буддистов к началу XX в. во Внутренней Азии сложилось огромное

пространство тибето-монгольского буддизма с религиозными центрами в Лхасе, Пекине и Урге. Несмотря на то, что эта буддийская традиция не являлась единым организационным целым, она представляла собой безусловную культурную целостность, основанием которой являлись авторитет школы гелукпа и ее главных иерархов Далай-лам, Панчен-лам и Джеб-цун-Дамба-хутухт, монастырская система школы, институт лам-перерожденцев, тибетский язык и тибетский буддийский канон, культовая система Ваджраяны. Воплощением этой традиции на рубеже веков была раскинувшаяся по всей Внутренней Азии сеть монастырей гелукпы с ее учебными центрами и караваны буддийских паломников, идущих на поклонение и учебу в религиозные центры, среди которых немалое количество составляли буряты и калмыки из далекой России.

Литература

- Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Галданова, Герасимова и др. 1983 — Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.
- Златкин 1983 — Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983. 332 с.
- Монгуш 2001 — Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина XVI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Солощева 2013 — Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 58–66.
- Цыремпилов 2013 — Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2013. 335 с.
- Beckwith 1987 — Beckwith C. I. (ed.) The Tibetans in the Ordos and North China: Considerations on the Role of the Tibetan Empire in World History // Silver on Lapis: Tibetan Literary Culture and History. Bloomington: The Tibet Society, 1987. Pp. 3–12.
- Cüppers 2004 — Cüppers C. (ed.) The Relationship Between Religion and State (chosridzung 'brel) in Traditional Tibet. Lumbini: Lumbini International Research Institute, 2004. 328 p.
- Goldstein 1997 — Goldstein M. The Snow Lion and the Dragon. China, Tibet and the Dalai Lama. Berkeley: University of California Press, 1997. 152 p.
- Hilton 2012 — Hilton J. Lost Horizon. Reissue edition. New York: Harper Perennial, 2012. 241 p.
- Perdue 2005 — Perdue P. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge (Massachusetts), London (England): The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p.
- Ruegg 1997 — Ruegg S. The Preceptor-Donor (Yon Mchod) Relation in Thirteenth-Century Tibetan Society and Polity, Its Inner Asian Precursors and Indian Models // Steinkellner E. (ed.) Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Vol. 2. Graz: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. Pp. 857–872.
- Schwieger 2015 — Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institute of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015. 352 p.
- Wallace 2015 — Wallace V. (ed.) Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society. Oxford, UK: Oxford University Press, 2015. 352 p.
- Wylie 1977 — Wylie T. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. 37(1): 103–133.

References

- Bakaeva E. P. [Buddhism in Kalmykia: Historical and Ethnographic Essays]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Beckwith C. I. The Tibetans in the Ordos and North China: considerations on the role of the Tibetan Empire in world history. In: *Silver on Lapis: Tibetan Literary Culture and History*. Bloomington: The Tibet Society, 1987. Pp. 3–12. (In Eng.)
- Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society. Wallace V. (ed.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2015. 352 p.
- Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B., Mitupov G. Ts. [Lamaism in Buryatia: 18th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 235 p. (In Russ.)
- Goldstein M. *The Snow Lion and the Dragon. China, Tibet and the Dalai Lama*. Berkeley: University of California Press, 1997. 152 p. (In Eng.)
- Hilton J. *Lost Horizon*. Reissue edition. New York: Harper Perennial, 2012. 241 p. (In Eng.)
- Mongush M. V. [History of Buddhism in Tuva: Mid-16th to Late 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Perdue P. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge (Massachusetts), London (England): The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p. (In Eng.)
- Ruegg S. The preceptor-donor (*yon mchod*) relation in thirteenth-century Tibetan society and polity, its Inner Asian precursors and Indian models. In: *Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies*. Steinkellner E. (ed.). Vol. 2. Graz: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. Pp. 857–872. (In Eng.)
- Schwieger P. *The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institute of Reincarnation*. New York: Columbia University Press, 2015. 352 p. (In Eng.)
- Soloshcheva M. A. Koko Nor revolt of 1723–1724 and its place in the history of Tibet. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2013. No. 1. Pp. 58–66. (In Russ.)
- The Relationship Between Religion and State (*chosridzung 'brel*) in Traditional Tibet. Cüppers C. (ed.). Lumbini: Lumbini International Research Institute, 2004. 328 p. (In Eng.)
- Tsyrempilov N. V. [Buddhism and the Empire: Buryat Buddhist Community in Russia, 18th to Early 20th Centuries]. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2013. 335 p. (In Russ.)
- Wylie T. The first Mongol conquest of Tibet reinterpreted. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37(1). Pp. 103–133. (In Eng.)
- Zlatkin I. Ya. [History of the Dzungar Khanate: 1635–1758]. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)

